

Павел Бажов

Через межу

ФТМ

Павел Бажов

Через межу

«ФТМ»

Бажов П. П.

Через межу / П. П. Бажов — «ФТМ»,

«Круглолицый парень, усердно обстругивавший черемуховый прутик, даже вздрогнул от неожиданности и быстро повернул голову. На тропинке, по которой он обычно поднимался от реки к лесу, стояла женщина с корзинкой. Женщина была в лаптях, в сарафане неопределенного «старушечьего» цвета и в белом, повязанном уточкой платке. Будничный крестьянский наряд, однако, казался малоподходящим и яркому лицу и всей стройной, ловкой и подвижной фигуре. Парень даже застыдился своей выгоревшей на солнце рубахи и обтрепанных галифе защитного цвета. – Глухой, что ли? Тебя спрашивают. Телят видишь тут около будки?..»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Павел Бажов

Через межу

I

– Бакенщик! Телята тут ходят?¹

Круглолицый парень, усердно обстругивавший черемуховый прутик, даже вздрогнул от неожиданности и быстро повернул голову.

На тропинке, по которой он обычно поднимался от реки к лесу, стояла женщина с корзинкой. Женщина была в лаптях, в сарафане неопределенного «старушечьего» цвета и в белом, повязанном уточкой платке. Будничный крестьянский наряд, однако, казался малоподходящим и яркому лицу и всей стройной, ловкой и подвижной фигуре. Парень даже застыдился своей выгоревшей на солнце рубахи и обтрепанных галифе защитного цвета.

– Глухой, что ли? Тебя спрашивают. Телят видишь тут около будки?

– Ходят какие-то. Каждый вечер около будки спят.

– Сколько их?

– Да пять голов. Не прибыло, не ubyло. Днем где-то по лесу путаются, а как вечер, так сюда и вылезут. Грудкой тут и спят. Видно, около человека им веселее.

– Один живешь?

– Один.

– Тоскливо, поди?

– Приходи вечером. Сама увидишь, тоскливо ли.

– Замолол, – строго остановила женщина. – Его добром спрашивают!

– Что больно сердита?! Пошутить нельзя.

– Худые твои шутки. Человека в глаза не видал, а сейчас языком повел куда не надо.

– Ты и познакомься, чем ругаться. Подходи поближе, посидим, поговорим. Ты мне, я тебе расскажу, вот и выйдет знакомство. Не к спеху тебе с ягодами-то.

– Ласкобай ты, гляжу. Научился девок подманывать.

– Не ходят тут. Когда и появятся, так грудкой. Куда мне. Лучше постарше, да одну. Спускайся. Не скажу мужу-то.

– Нет у меня мужика. Вдова я.

– О-о! Тоже невесело живешь? Самая пара мне, горюну. Иди – чайку попьем. Ягоды твои, еда моя. Воды принесу, огонек готовый. Ладно?

– Дешевкой хочешь обойтись...

– Подкину коли. Для молоденькой не жалко. Чай у меня всех сортов. Фамильный... поджаренная морковка из бабкиного огорода, и фруктовый есть – земляничный, брусничный, черничный... Из прошлогоднего сору граблями нагреб. Куча! Густо заварить можно. Сахар есть. Из паренок конфетки вырежем. Не хуже шоколадных. Иди!

– Ну-ну, язык у тебя бойко ходит, – улынулась женщина и стала спускаться по песчаной тропинке к будке.

Будка бакенщика ничем не отличалась от сотен других, поставленных вдоль берегов многоводной, но все еще пустынной северной реки. Место выбрано на пригорке, чтобы можно

¹ Повесть. Написана в 1934 году. П. Бажов обращается здесь к новому материалу, задумав показать уральскую прикамскую деревню в период разветывания острейшей классовой борьбы в связи с переходом к коллективизации. П. Бажовым написано лишь несколько глав, правда имеющих законченный характер. Герои здесь совершают переход «через межу», отделяющую старую жизнь деревни от новой. Впервые эти главы опубликованы в сборнике ранних произведений П. Бажова: «Уральские были», Свердловское областное государственное издательство, 1951.

было хорошо видеть все опознавательные знаки участка: два бакена, две вежи и перевальный столб. Ниже к берегу, вправо, на серой широкой полосе гравия блестело водяное окно. От него до воды тянулась мокрая дорожка. Это безымянный ключ. От него и будка называлась – «У ключа».

Водная равнина блестит миллионами маленьких зеркал, будто плавится под горячим июльским солнцем. Глаз отдыхает лишь на кудрявой кайме противоположного низкого берега. На всем огромном просторе, который охватывает глаз, ни одного признака жилья. О человеческой жизни говорят лишь сигнальные знаки на реке и берегу, да внизу маячит дымок.

Не скоро придет этот пароход. Он еще будет приваливать у деревни Котловины, которая скрылась за лесистым мыском. До этой пристани от будки считается шесть километров. Выше по реке, в пяти километрах, целый куст мелких деревушек, домов по двадцать – тридцать каждая. Но ни одной из них тоже не видно из-за леса и прихотливых извивов береговой линии.

Будка пришлась почти в центре пустынного лесного участка, который тянется вдоль берега километров на десять-одиннадцать от Нагорья до Котловины.

Лес этот раньше, до революции, принадлежал «большим барам» Шуваловым и назывался гордым именем охотничьего заповедника. На самом деле это была только громкая марка. У самого берега на высоком песчаном гребне растет действительно великолепный лес, а дальше по «нотным» местам уже начинался мендач, переходивший в корявую болотную растительность. Цепь торфяных болот и сделала этот участок заповедником.

Подойдя к крылечку будки, женщина спокойно протянула руку.

– Здравствуй, балакирь! Звать-то не знаю как.

– Иваном кличут, а батька Савелий. Складывай, коли понадобится. Иные и Ваней зовут. На молоденьких не обижаюсь. По фамилии Кочетков. А ваше имячко как будет? – неожиданно перешел парень на вы и почему-то покраснел.

Женщина заметила этот переход и это смущение. В больших серых глазах промелькнули искорки удовольствия.

– Фаиной меня зовут... Фая.

– Фая хорошо, а Фаина вроде монашеского.

– Что поделаешь! Поп такое выдумал. Сама не выбирала

– А по отчеству как?

– Никоновна, – быстро сказала женщина и в свою очередь смутилась. Парню показалось, что он понял причину смущения, но он сделал вид, будто ничего не заметил, и опять перешел на тон балагура.

– Вот и познакомились. Анкеты заполнены, только одной фамилии недостает. Иван Савельевич – Фаина Никоновна... Один холостой, другая безмужняя. Чем не пара? Хоть сейчас записывайся. Можно и без записи. Я на это пойду. Себя не пожалею

– Знаешь, давай без баловства, – попросила женщина. – Не за тем пришла, чтобы пустяки слушать. Поговорим по-хорошему. Только напоил бы ты меня сперва. Вода, говорят, тут у тебя хорошая. Жарко...

– Это в момент. Самой холодной принесу. – И парень, ухватив с костерка большой жестяной чайник, захрустел босыми ногами по гравию.

Пока бакенщик ходил к роднику, женщина успела осмотреть все его несложное хозяйство.

Избушка двумя маленькими окошками смотрела вверх и вниз по реке. Прямо против входа, у стены, стол и около него три табуретки. На столе стопка книжек, химический карандаш и какой-то стаканчик. Над столом портрет Ленина «За чтением „Правды“». Справа от входа маленькая печурка. За ней вдоль стены широкая скамья с мешком-сенничком и коричневой подушкой. Над постелью белый шкафчик вроде больничного.

– Тут у него, видно, посуда и чай всех сортов, – улынулась женщина.

Вдоль левой стены избушки длинная широкая скамья. Над ней, ближе к окну, два ряда деревянных брусьев с гнездами, в которых размещены разного размера ножи, стамески, шилья и другой инструмент корзиночника. В самом углу на скамье большая корзина с грибами.

Женщина поставила было сюда и свою с ягодами, но поспешно взяла ее опять на руку. Направляясь к выходу, взглянула на развешанную по гвоздям одежду, среди которой центральное место занимал зипун из домотканого сукна. С порога еще раз обвела взглядом покрашенные по бревнам стены, остановилась на плакате «Как крепить канат» и вслух оценила:

– Чисто живет! – Потом улыбнулась: – Иван... Савельич... Кочетков.

С крыльца было видно, что Кочетков шел обратно, заметно прихрамывая на правую ногу. Фаина поставила корзину на широкий брус крыльца, закрыла ягоды головным платком, поправила волосы и подошла к огнищу, который едва дымился. Сгребла угли грудкой, уложила в середину лежавший тут железный прутик-жигало, раздула угли, бросила пучок сухой ивовой коры и, когда весело заиграл огонек, принесла из поленницы от крыльца охапку мелких дровец.

Мимоходом заметила, что между поленницей и стеной будки – в тени – стояло большое деревянное корыто с водой, где замочены ивовые прутья.

– Хозяйство... Ни за избушкой, ни перед избушкой сору большого нет, – одобрила Фаина и села на ступеньки крыльца, где до этого сидел бакенщик. Перебрав разбросанные тут дровяшки, догадалась, что бакенщик делал трубку.

– Чудной он все-таки. Молодой, а живет тут один и трубку вон мастерит. Как старик какой! Может, из-за ноги-то...

Кочетков нес в одной руке чайник, в другой какой-то бесформенный серогрязный кусок.

– Нашлась моя потеря.

– Какая потеря?

– Да так, пустяки. Потом расскажу, – и, поставив чайник на крыльцо, поспешно ушел в избушку, принес чашку с синим ободком, налил и подал гостю с шутливым поклоном: – Кушай на здоровье! Водичка первый сорт. Мертвого обмыть – так встанет, а молоденький умоеся – плясать пойдет. На Кавказ ездить не надо. Каждый день приходи. Хоть пей, хоть обливайся.

Женщина жадно выпила две чашки, обтерла губы рукой, смахнула с груди крупные капли и только тогда засмеялась.

– Простой ты на воду, а сам звал чай пить!

– За этим дело не станет. Живо вскипит. А какой сорт заваривать, сама выбирай. Женщине в этом деле виднее. – И Кочетков стал устанавливать чайник на рогульках над огнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.